

УДК 81'25+81'367.622.12

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.2.6

Я.Б. Глаголев, М.А. Киловатая

Получена: 30.04.2018

Принята: 20.05.2018

Опубликована: 30.06.2018

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Рассматривается проблема когнитивных механизмов, лежащих в основе функционирования имен собственных в оригинале и переводе. В качестве исходной принимается позиция, согласно которой имена собственные выделяются из других категорий слов, образуя особую категориальную группу, инкорпорированную в естественный язык.

Особое внимание уделяется гносеологической природе имени собственного, так как процесс именования отражает познавательный опыт личности. Исследование имени собственного в рамках когнитивной лингвистики авторы статьи рассматривают как теоретическое основание изучения данного феномена с позиций когнитивного переводоведения, одним из направлений которого можно считать концепцию переводческого пространства, ментальное конструирование которого в сознании переводчика приводит его к качественному гармоничному переводу.

В качестве ментальной единицы смысла в переводческом пространстве выступает образ-гештальт, обладающий национальной спецификой, что обуславливает лингвокультурную адаптацию имени собственного при его вхождении в другую культуру в результате перевода.

Авторы выдвигают предположение о том, что имя собственное может быть исследовано как концепт особого рода, наряду с другими культурно специфическими концептами, образующими культурно обусловленную концептуальную систему языка.

Выявление, описание и интерпретация культурных концептов, репрезентированных в языке именем собственным, позволит в дальнейшем не только описать когнитивную природу антропонимов, но также раскрыть закономерности формирования и функционирования концептосферы разных языков и народов, образующих языковую картину мира.

Ключевые слова: *имя собственное, когнитивная лингвистика, когнитивное переводоведение, образ-гештальт, культурный концепт, когнитивная интерпретация, лингвокультурная адаптация, переводческое пространство, гармония.*

Ya.B. Glagolev, M.A. Kilovataya

Received: 30.04.2018

Accepted: 20.05.2018

Published: 30.06.2018

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

THE COGNITIVE INTERPRETATION OF PROPER NOUNS IN THE ORIGINAL TEXT AND ITS TRANSLATION

The article considers a problem of cognitive mechanisms underlying the functioning of proper nouns in the original text and its translation. The position according to which the proper nouns are distinct from the other word categories, forming a special categorical group incorporated in natural language is taken as a basis for further speculation.

Particular attention is paid to the epistemological nature of proper nouns as the process of naming reflects the cognitive experience of the individual.

Investigation of proper nouns within the framework of cognitive linguistics is considered by the authors to be the theoretical basis of the given phenomenon study from the position of cognitive science of translation. The concept of translating space is one of the areas of its study. Mental construction of this space in translator's mind leads to the balanced translation of high quality.

The image-Gestalt acts as a mental unit of meaning in the translation space. This image has the national specific feature which stipulates the linguocultural adaptation of the proper noun in its entering the other culture as a result of translation.

The authors suggest that a proper noun can be investigated as a concept of a special kind, along with the other concepts of cultural specific character which form a culturally conditioned conceptual system of the language.

The identification, description and interpretation of cultural concepts represented in the language by proper nouns will allow not only describing the cognitive nature of anthroponyms in future but also revealing the regularities of formation and functioning of the sphere of concepts in different languages and of different peoples forming the linguistic picture of the world.

Keywords: *proper noun, cognitive linguistics, cognitive science of translation, image-Gestalt, cultural concept, cognitive interpretation, culture-through-language adaptation, translation space, harmony.*

При анализе когнитивных механизмов в процессе функционирования имен собственных в оригинале и переводе наблюдаются определенные семантические сдвиги, обусловленные культурно-историческими, внутриязыковыми, межъязыковыми, этнокультурными причинами, что может привести к непониманию со стороны иноязычного и инокультурного сообщества и что требует всестороннего изучения.

В рамках данной статьи нас интересует когнитивная природа антропонимов, представленных именами собственными различных типов, относящихся к субъектам и их уникальным именам, которые используются в другой языковой и культурной среде, что в случае невнимания к проблеме наименования может привести к неэффективному межкультурному сотрудничеству.

Проблема соотношения имени и культуры исследована Ю.М. Лотманом совместно с Б.А. Успенским [1]. В статье «Миф-имя-культура» ученые развивают мысль о том, что с точки зрения семиозиса «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» [1, с. 527]. Ученые следующим образом эксплицируют данную идею: «...общее значение имени собственного принципиально тавтологично: то или иное имя не характеризуется дифференциальными признаками, но только обозначает объект, к которому прикреплено данное имя; множество одноименных объектов не разделяют с необходимостью никаких специальных свойств, кроме свойств обладания данным именем» (там же). Из этого следует, что в сфере имен собственных происходит отождествление названия и называемого, слова и денотата. В целом, по мнению исследователей, имена собственные выделяются из других категорий слов, образуя особую категориальную группу, инкорпорированную в естественный язык.

В цитированной выше работе упоминаются наблюдения Р.О. Якобсона при изучении процесса усвоения ребенком родного языка, а именно имена собственные первыми приобретаются ребенком и последними утрачиваются при афатических расстройствах речи. Аналогичные наблюдения отмечаются при табуистическом употреблении местоимения третьего лица, которое фигурирует как собственное имя [2].

Необходимо также подчеркнуть мифологизм имени собственного как феномен сознания. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский считают, что «...общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу... миф и имя непосредственно связаны по природе» [1, с. 529].

Идея связи мифа и имени собственного исследуется Т.И. Борко. Как поясняет ученый, ситуация мифа предельно конкретна, при этом процесс именования, объективируемый в мифе, отражает познавательный опыт человека, его способность символического овладения реальной действительностью. Автор анализирует гносеологические возможности мифологического мышления в процессе номинации и отмечает, что, изучая соотношение имени и вещи в мифологическом восприятии, можно увидеть, «...как происходит процесс наименования, какие операции выполняет сознание, как движется мысль... по тем бессознательным импульсам, нашедшим воплощение в качестве архетипических образов или идей, можно предположить, как двигалась мысль в процессе означивания» [3, с. 19].

Изучая имена собственные, ученый связывает имянаречение в традиционных культурах с обрядовой символикой и ритуальным поведением, что «...свидетельствует о значимости этого события как для жизни индивида, так и для сообщества в целом» [3, с. 19]. В качестве примера приводится обряд камлания народов Северной Сибири, целью которого является выбор имени новорожденного, так как согласно воззрениям этих народов имя должно выражать сущность личности. В некоторых племенах индейцев ребенок обретает собственное имя только после семи лет, до этого он живет с временным прозвищем. Таким образом, на индивидуальном уровне имя фиксирует уникальность, инаковость личности, а на коллективном уровне имя соотносит его носителя с культурным пространством, с принадлежностью к социуму и культуре.

Т.И. Борко высказывает мысль об экзистенциальности именования: «Назвать имя вещи – отграничить ее от всех прочих, установить ее единичность, то есть осознать ее существование. Имя обрисовывает очертания» [3, с. 21]. Очевидно, что именование означает переход от категории неопределенности к категории определенности, от категории непознанного к категориям познания, что раскрывает когнитивную природу данного процесса.

Исследуя данную проблему на материале древней мифологии, ученый отмечает, что «поиски и открытие имени приравнялись к акту познания» [3, с. 20]. При этом само упоминание имени соотносилось с реальным присутствием субъекта в данной ситуации коммуникации. Ученый приходит к выводу о том, что «процесс именования, объективированный в мифологических обозначениях, отражает познавательный опыт древнего человека» [3, с. 23].

Так автор раскрывает гносеологическую природу имени собственного, что было отмечено в предшествующих исследованиях и что находит продолжение в современных работах.

Имя собственное, несомненно, обладает определенными когнитивными и коммуникативными функциями, которые необходимо изучать с позиций когнитивной лингвистики. Не менее важно исследовать данную проблему в рамках когнитивного переводоведения, так как перевод имени собственного с русского языка на иностранные является не таким очевидно бесспорным, как кажется на первый взгляд.

Так, в учебном пособии В.С. Виноградова «Введение в переводоведение» [4], опубликованном в 2001 году, одна глава посвящена именам собственным в оригинале и переводе. Автор подчеркивает, что имена собственные образованы преимущественно из имен нарицательных и выполняют номинативную функцию. Основные способы их перевода – транскрипция и транслитерация. В некоторых случаях используется смысловой перевод, то есть раскрывается внутренняя форма имени собственного. Данный способ перевода позволяет сохранить национальный временной колорит оригинала. Некоторые подобные номинации закрепились в языке перевода. Например, *Place de la Concorde* – *Площадь Согласия*. Но эта традиция уходит в прошлое.

В.С. Виноградов обращает внимание на тот факт, что особые трудности представляет перевод так называемых «говорящих» имен собственных, что требует от переводчика анализа сущности и функции имени собственного в тексте оригинала с целью адекватного транслирования в текст перевода. В русском языке и в русской литературе немало примеров, содержащих смысловые имена собственные. Так, например, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» встречаем говорящую фамилию Бездомный, что на французский язык переведено методом калькирования *Biezdomy* и что теряет исходную коннотацию.

Вывод В.С. Виноградова таков: «Чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, чем важнее его роль в отечественной литературе, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод...» [4, с. 176]. Одним из способов их перевода является использование филологических, этнографических, исторических аллюзий в примечаниях и сносках к тексту оригинала, что в современных научных исследованиях трактуется как метатекст и метаперевод. Автор работы подчеркивает, что исследование проблемы аллюзий при переводе имен собственных еще не получило достаточного развития.

Проблема метатекста и метаперевода в отечественной науке впервые была поставлена В.Б. Кашкиным, который выстроил своего рода номенклатуру всех текстовых разновидностей, подлежащих метакогнитивному исследованию [5]. К их числу можно отнести переводческие аллюзии.

С позиций концепции переводческого пространства переводческие аллюзии исследуются в рамках фатического поля как поля культуры, в котором переводчик анализирует интертексты двух контактирующих культур [6; 7; 8]. Следовательно, постижение интертекста как источника культурологического

смысла – самая сложная задача переводчика, при этом именно от ее успешного решения зависит порождение гармоничного текста перевода, который становится фактом другой культуры, обогащая ее. Значение теории интертекста для постижения закономерностей теории перевода, в частности, порождения текста перевода, исследуется в трудах И.С. Алексеевой, подчеркивающей, что данный феномен тесно связан с текстовой культурой в семиотическом, функциональном, структурном аспектах [9].

Переводчик должен знать и родную культуру, и иноязычную. В частности, это проявляется на примере прецедентных имен. Так, в романе современной французской писательницы М. Барбери «Элегантность ежика» упоминается прецедентное имя, которое не может быть переведено буквально на русский язык.

Обратимся к тексту:

«...un clochard nommé Gégène, pris de la danse de Saint-Guy, a divagué sur la chaussée déserte sans se préoccuper ni des hommes, ni de Dieu» (p. 397).

«... с бомжом по имени Жежен приключилась пляска Святого Витта, и он, забыв и Бога, и людей, дергался на проезжей части пустынной улицы (Барбери, пер. с франц., с.387).

В данном фрагменте переводчик передает прецедентное имя «la danse de Saint-Guy» таким образом, что он находит в русской культуре соответствующий устоявшийся эквивалент, то есть в случае буквального перевода, вызванного непониманием интертекстуальных аллюзий, а именно, что бомж Жежен был пьян, русскоязычный читатель увидел бы выражение «танец Святого Ги», что не вызвало бы никаких ассоциаций. Перевод данного прецедентного имени как «пляска Святого Витта» мы признаем гармоничным ввиду корректного использования интертекста переводчиком Н. Мавлевич.

Проблема перевода имен собственных настолько сложна, что, по мнению В.С. Виноградова, необходимо создание специальных словарей, содержащих словарные соответствия на разных языках. Представляется, что решение данной проблемы – дело ближайшего будущего.

В рамках настоящей статьи нас интересует механизм перевода имен собственных. Мы предположили, что этот механизм имеет когнитивную природу, в основе которого лежит сконструированный в ментальном пространстве образ-гештальт, обладающий национально-культурной спецификой. В рамках концепции переводческого пространства образ-гештальт рассматривается в качестве ментальной единицы смысла, динамически развивающейся в сознании субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента. С позиций когнитивной лингвистики его репрезентация в тексте соотносима с репрезентацией культурного концепта, поскольку существуют разнообразные способы формирования и функционирования концептов.

Мы полагаем, что исследование имени собственного в когнитивном аспекте и описание когнитивного механизма его перевода требуют обращения к

идеям когнитивной семантики. Как пишет Н.Н. Болдырев, «когнитивная лингвистика занимается когницией в ее языковом выражении» [10, с. 20]. Одним из важнейших постулатов когнитивной лингвистики является признание антропоцентризма языка, то есть центральной роли человека в процессах познания и речевой деятельности. По мнению Н.Н. Болдырева, когнитивный подход означает, что «именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует смыслы, а не воспроизводит их в готовом виде...» [10, с. 26].

Исходя из данного предположения, мы выдвигаем идею о том, что имя собственное можно отнести к разряду концептов особого рода, а именно к культурно специфическим концептам, образующим концептуальную систему языка. Мы полагаем, что национально-культурная специфика концепта имени собственного как антропонима подвергается лингвокультурной адаптации в переводе, осуществляемой в фатическом поле переводческого пространства.

Как показали результаты теоретических исследований в области когнитивной лингвистики, имя собственное ранее не рассматривалось как концепт. Вместе с тем в некоторых случаях в качестве эмпирического материала упоминаются имена собственные в том же ряду, что и другие концепты.

Наибольший интерес представляют в этом отношении так называемые «культурные концепты», которые можно исследовать как культурно специфические концепты. Их исследование особенно значимо в аспекте перевода имен собственных. Исходной позицией является сформулированное Н.Н. Болдыревым положение, касающееся социокультурной и национальной концептосферы, а именно «формирование, понимание и интерпретация языковых значений всегда и обязательно происходит в рамках конкретной, культурно обусловленной концептуальной системы...» [11, с. 80].

Рассуждая о специфике переводческого понимания, Н.Н. Гавриленко подчеркивает: «На основе понимания происходит интерпретация высказывания, исследователи рассматривают ее как когнитивные действия, объектом которых выступают продукты речевой деятельности... В результате интерпретации у человека формируется концепт текста...» [12, с. 12].

Если проанализировать процесс перевода имен собственных с русского языка на французский, можно заметить проявление культурной адаптации. Так, при переводе имени и отчества переводчицы опускают использование отчества, не принятое в западной культуре.

Проиллюстрируем процесс наименования на примере рекламного проспекта «Традиционный русский костюм Северного Прикамья»:

...Коллекция народного костюма «Пермь Великая» создана Ольгой Ивановной Шейерман, народным мастером Пермского края, основателем и руководителем театра русского костюма «Маруся»....

Приведем фрагмент данного проспекта в переводе на английский язык:
...Great Perm costume collection created by Olga Scheyreman, Perm folk artist, director and founder of "Marusya" theater of Russian Costume...

Сопоставим имена собственные в оригинале и переводе. Как видим, в английском варианте отсутствует отчество, которое не употребляется в англоязычной культуре, но является обязательным атрибутом русской культуры. Если мы проанализируем переводы классической русской литературы с русского языка на французский, мы обнаружим, что переведены не только имена героев, но и их отчества, что очень важно для понимания иерархии отношений героев русского романа.

В качестве иллюстрации рассмотрим фрагмент художественного перевода произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой» с русского языка на французский в билингвальном издании:

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами...

On disait qu'un nouveau personnage avait fait son apparition sur la promenade: une dame avec un petit chien. Dmitri Dmitrich Gourov, qui se trouvait depuis deux semaines à Yalta et en avait pris les habitudes, s'était mis lui aussi à s'intéresser aux physionomies nouvelles...

В данном фрагменте переводчик использует как имя, так и отчество персонажа романа, что обуславливает его «русскость» в глазах французских читателей, осознающих, что и автор, герои романа – русские люди, для которых использование имени и отчества – языковая норма.

Вместе с тем наличие множества вариантов употребления русских имен с использованием разнообразных уменьшительно-ласкательных суффиксов иногда невозможно передать на другом языке.

В качестве примера рассмотрим перевод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на французский язык:

Если бы в следующее утро Стене Лиходееву сказали бы так: «Стена! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!»... (с. 82)

Si, le matin du lendemain, on avait dit à Stepan Likhoieiev: Stepan, tu seras fusillé si tu ne te lève pas à l'instant même! (p. 116)

В данном случае переводчик использует полное имя Степан, несмотря на то, что в тексте автор называет героя Степа. Можно предположить, что сокращенное имя является неблагозвучным на французском языке, кроме того, оно менее известно и потому менее понятно иноязычному читателю. Следовательно, мы не можем констатировать наличие переводческой ошибки при передаче имени собственного на другой язык. Именно данный перевод можно признать естественным, то есть гармоничным с позиции концепции переводческого пространства.

Напомним, что согласно концепции переводческого пространства качественным или гармоничным переводом является такой перевод, при котором смыслы текстов оригинала и перевода соотносимы, соизмеримы, но не тождественны, не идентичны. При переводе имен собственных, когда понятие

смысла не столь значимо, мы акцентируем внимание на таком аспекте гармоничности, как естественное вхождение текста перевода в принимающую культуру, что в большинстве случаев становится возможным в результате гармонизации смыслов в переводческом пространстве.

Продолжая когнитивный анализ, сошлемся на понятие «номинативная плотность концепта», предложенное В.И. Карасиком [13]. Данное понятие обозначает степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства.

Если мы признаем имя собственное как концепт, то относительно разнообразия уменьшительно-ласкательных форм русских личных имен, можно сказать, что номинативная плотность данных концептов чрезвычайно велика, что не находит соответствий в других языках.

Если мы вновь обратимся к франкоязычной версии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности, к переводу имени собственного главной героини, мы заметим, что переводчику К. Линьи (Claude Ligny) не удалось передать номинативную плотность данного концепта, так как он объединил французский вариант имени Маргарита – «Marguerite», то есть перевел имя собственное на французский язык, а русское отчество Николаевна передал способом калькирования – Nikolaevna. В результате для французского читателя создана «смешанная» форма имени – Marguerite Nikolaevna, что мы признаем дисгармоничным, то есть переводческим несоответствием. При этом отметим, что переводчик использовал сноски для объяснения имени Маргарита, отсылая читателя к имени Гретхен в произведении Гете, к Маргарите де Валуа – королеве Марго, а также к Елене Сергеевне, супруге писателя, послужившей прообразом героини.

Интересные наблюдения при переводе имен собственных приводит Н.К. Рябцева [14]. Поясняя расхождения при переводе с русского языка на немецкий различными стилями общения при выражении правил вежливости, ученый акцентирует внимание на том, что для русского языка характерна извинительная реакция на отрицательный ответ, а для немецкого языка – благодарственная реакция. Но в приведенном автором примере не анализируется перевод имени собственного: если в русском языке используется имя, то в немецком – фамилия, которой предшествует лексема «господин»:

(по телефону) *Добрый день, можно Михаила? – Его нет. – Извините.*

Guten Tag, koente ich bitte mit Herrn Weber sprechen? Tut mir Leid, er ist nicht da. Vielen Dank.

Как видим, имя заменено в немецком тексте на фамилию, что является коммуникативно равнозначным вариантом, соответствующим языковой норме немецкой лингвокультуры.

В реальной практике речевого общения можно наблюдать процесс, когда иноязычные имена собственные переводят на русский язык. Так, на

Олимпиаде – 2018 в Корею один из комментаторов перевел фамилию американской спортсменки: «*Jessika Rich*» – «*Джесика Богатая*». При этом сначала комментатор произнес «*Джесика Рич*», что полностью соответствует общепринятой норме. Такая ситуация свидетельствует о подвижности границ, существующих в нашем речевом поведении, когда речь идет о транспонировании имени собственного в другую лингвокультуру.

Подводя итоги предпринятого исследования, подчеркнем актуальность проблемы перевода имен собственных в свете современных научных парадигм в широком междисциплинарном аспекте: контрастивное изучение языков, типология языков мира, теория перевода, антропология, ономастика и др. Представляется, что именно когнитивная лингвистика и когнитивное переводоведение раскроют закономерности формирования и функционирования концептосферы разных языков и народов, среди которых особую роль играют культурные концепты, репрезентированные в языке именем собственным. Исследование антропонимов в качестве культурных концептов является неотъемлемой частью понимания и интерпретации того ментального континуума, который формирует этническое сознание народа, его языковую картину мира. Когнитивное освещение данного феномена в переводческом аспекте показывает, что имя собственное – концепт особого рода, когнитивные и коммуникативные функции которого еще предстоит раскрыть и обосновать.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 703 с.
2. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
3. Борко Т.И. Имя и вещь в мифологическом сознании: гносеологический аспект // Экология языка на перекрестке наук: сб. статей 3-й Междунар. научн. конф.; Тюмень 15–17 ноября 2012 г. – Тюмень, 2013. – С. 18–24.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М., 2001. – 224 с.
5. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 10. – СПб., 2009. – С. 230–243.
6. Кушнина Л.В. Гармония и дисгармония как переводческие категории // Восьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 8. – СПб., 2007. – С. 240–250.
7. Кушнина Л.В. Некоторые аспекты теории гармонизации: синергетическая модель перевода // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 10. – СПб., 2009. – С. 302–312.
8. Кушнина Л.В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – 2017. – Вып. 21. – С. 23–31.
9. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.

10. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов, 2014. – 236 с.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
12. Гавриленко Н.Н. Понять, чтобы перевести. – М., 2010. – 206 с.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
14. Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 224 с.

References

1. Lotman Iu.M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2004, 703 p.
2. Jakobson R.O. Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii [Two aspects of language and two types of aphasic disturbances]. *Teoriia metafory*. Moscow, Progress, 1990.
3. Borko T.I. Imia i veshch' v mifologicheskom soznanii: gnoseologicheskii aspekt [Name and thing in mythological mind: gnoseological aspect]. *Ekologiya iazyka na perekrestke nauk: sb. statei 3-i Mezhdunar. nauchn. konf.* Tyumen, 2013, pp. 18–24.
4. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]. Moscow, 2001, 224 p.
5. Kashkin V.B. Metakognitivnye issledovaniia perevoda. *Desiatye Fedorovskie chteniia. Universitetskoe perevodovedenie*. Iss. 10, 2009, pp. 230–243.
6. Kushnina L.V. Garmoniia i disgarmoniia kak perevodcheskie kategorii [Harmony and disharmony as concepts of translation studies]. *Vos'mye Fedorovskie chteniia. Universitetskoe perevodovedenie*. Iss. 8. Saint Petersburg, 2007, pp. 240–250.
7. Kushnina L.V. Nekotorye aspekty teorii garmonizatsii: sinergeticheskaia model' perevoda [Some aspects of harmonization theory: synergetic model of translation]. *Desiatye Fedorovskie chteniia. Universitetskoe perevodovedenie*. Iss. 10, Saint Petersburg, 2009, pp. 302–312.
8. Kushnina L.V. Dinamika iazykovogo prostranstva perevoda v prostranstve kul'tury [Dynamics of linguistic space of translation within cultural space]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste*, 2017, iss. 21, pp. 23–31.
9. Alekseeva I.S. Tekst i perevod. Voprosy teorii [Text and translation. Theoretical issues]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2008, 184 p.
10. Boldyrev N.N. Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuu lingvistiku [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov, 2014, 236 p.
11. Boldyrev N.N. Kognitivnye skhemy iazykovoi interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 10–20.
12. Gavrilenco N.N. Poniat', chtoby perevesti [Understand to translate]. Moscow, 2010, 206 p.
13. Karasik V.I. Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004.
14. Riabtseva N.K. Prikladnye problemy perevodovedeniia: lingvisticheskii aspekt [Applied issues of translation theory: linguistic aspect]. Moscow, Flinta, Nauka, 2013, 224 p.

Источники иллюстративного материала

1. Barbery M. L'élégance du hérisson. – Gallimard, 2009. – 414 p.
2. Барбери М. Элегантность ежика / пер. с франц. Н. Мавлевич. – М.: Иностранка, 2012. – 400 с.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – СПб: Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
4. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. – Robert Laffont, 1968. – 582 p.
5. Tchekhov A. La dame au petit chien, édition bilingue = Дама с собачкой / traduit du russe par E. Parayre et L. Denis. – Galliamard, 1993. – 193 p.

Сведения об авторах

ГЛАГОЛЕВ Ярослав Борисович

e-mail: verbierrus@mail.ru

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Российская Федерация)

КИЛОВАТАЯ Марина Александровна

e-mail: marina.kvt@gmail.com

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Российская Федерация)

About the authors

Yaroslav B. GLAGOLEV

e-mail: verbierrus@mail.ru

Senior Lecturer, Dept. of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

Marina A. KILOVATAYA

e-mail: marina.kvt@gmail.com

Senior Lecturer, Dept. of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)